

УДК 910 : 911

© А. Г. ИСАЧЕНКО

ИСТОРИЗМ В ГЕОГРАФИИ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ

География и история — генетическая общность и взаимоотношения в процессе эволюции. География и история в своем возникновении и первоначальном развитии были тесно взаимосвязаны. Зачатки как географических, так и исторических знаний мы находим в древнейших письменных источниках. Постепенно эти знания стали оформляться в виде специализированных сочинений, причем географические сведения появлялись как в отдельных трудах, так и в сочинениях по истории. Последние особенно типичны для древней литературы, и эта традиция оказалась весьма устойчивой для античной науки, а в значительной мере и для древнекитайской. Простейшее объяснение такого феномена — необходимость привязки любых исторических событий (например, войн) к месту действия. Основными «поставщиками» новой информации — как географической, так и исторической — были путешественники. Они собирали сведения обо всем том, что наблюдали сами и слышали от местных жителей, — о природе разных стран и областей, нравах и обычаях аборигенов, исторических событиях и т. д. Все это способствовало расширению как географического, так и исторического кругозора и рано или поздно должно было вызвать интерес к влиянию природных условий на жизнь людей и попытки объяснить этим влиянием исторические судьбы народов.

Если не принимать всерьез мнение Страбона, будто первым древнегреческим географом был Гомер, то источниками первоначальных достоверных географических сведений следует считать периплы — описания берегов, выполненные мореплавателями, и перизгезы — описания, составленные сухопутными путешественниками. Во второй половине VI в. до н. э. те и другие использовались ионийскими логографами — писателями-прозаиками, включавшими в свои сочинения сведения по истории и географии. Наиболее известен среди них Гекатей; некоторые считают его предшественником Геродота.¹

Геродот, труды которого относятся уже к V в. до н. э., т. е. к периоду Классической Греции, вполне заслуженно известен как отец истории, но с не меньшим основанием его можно считать и отцом географии. Он много путешествовал, и в его знаменитой «Истории» содержится самое полное описание стран, известных грекам во второй половине V в. до н. э. Геродот заложил фундамент основного описательно-страноведческого направления античной географии, для которого характерно тесное соприкосновение с историей. Это направление прослеживается в последующие века, в частности в трудах историков эпохи Римской республики (II—I вв. до н. э.) Полибия и Посидо-

¹ В журнальной статье история вопроса, охватывающая период в 2,5 тысячелетия, может быть изложена лишь схематично или конспективно. Более подробное рассмотрение взглядов отдельных ученых и научных школ с приложением библиографии первоисточников (опубликованных к началу 1970-х гг.) можно найти в монографии автора, посвященной развитию географических идей [13].

ния, и нашло наиболее полное завершение в «Географии» Страбона (64/63 гг. до н. э.—23/24 гг. н. э.). Не лишне заметить, что Страбон, в течение многих последующих столетий считавшийся одним из самых авторитетных античных географов, был также автором большого сочинения по истории (до нас не дошедшего). Таким образом, совмещение в одном лице историка и географа можно считать типичным для античной науки.

Укреплению своеобразного симбиоза истории и географии способствовало распространение в эпоху Классической Греции идей географического детерминизма. Геродот во время своих путешествий обратил внимание на зависимость рода занятий разных народов и характера людей от природных условий; основатель древнегреческой медицины Гиппократ изучал влияние природной среды на физическое и психическое здоровье людей, на их поведение; о влиянии природы на жизнь людей, на их свободолюбие и способность к политической самостоятельности и тому подобное рассуждали философы Демокрит, Платон, Аристотель, историки Фукидид и Ксенофонт. Попутно можно заметить, что «отец истории» Древнего Китая Сыма Цянь (158—88 до н. э.) также пытался объяснить причины исторических явлений природными факторами.

Характер отношения географии к истории не мог оставаться неизменным на протяжении более чем двух тысячелетий. При этом важно иметь в виду, что география никогда не представляла собой единую науку. Уже в античную эпоху сложились в значительной степени обособленные и в своем роде конкурирующие научные направления, называвшиеся географией. Выше шла речь лишь об одном из них — описательно-страноведческом, хотя и доминирующем, но отнюдь не единственном. Это направление имело достаточно выраженный гуманитарный характер. Его представители уделяли относительно мало внимания природным явлениям, ограничиваясь отрывочными, подчас случайными фактами. Их интересовало преимущественно население, его образ жизни, политическое устройство и т. п. Отсюда и «переплетение» с историей.

Однако одновременно и параллельно с общественно-географическим страноведением и независимо от него в рамках нерасчлененной натурфилософии зарождалось естественнонаучное географическое направление. Истоки его следует искать в высказываниях философов ионийской школы VI в. до н. э. Объяснения земных природных явлений имели еще преимущественно умозрительный характер, но мы имеем основания говорить о возникновении физико-географического, или общеземледельческого, направления в науке. Здесь не место входить в подробности его дальнейшего развития [13], заметим лишь, что на античном этапе оно получило наиболее полное свое выражение в «Метеорологике» Аристотеля (IV в. до н. э.).

Говоря о связи страноведческой географии Геродота и Страбона с историей, мы подразумевали историю человечества (общества), но природа Земли также имеет свою историю. Вероятно, не все мыслители древности осознали всю значимость этого понятия, но оно уже не было чуждо ионийцам VI в. до н. э. Достаточно вспомнить об известном изречении Гераклита: нельзя дважды войти в один и тот же поток. Для ученых Классической Греции представление об изменчивости лика Земли не было чьей-то экстраординарной выдумкой, и в этом они опережали многих своих будущих преемников. Геродот, например, доказывал, что долина Нила образовалась на месте бывшего морского залива, постепенно заполненного наносами реки, и считал подобные явления обычным делом; например, Фессалийская долина в Греции образовалась, по его мнению, на месте бывшего озера. Аристотель считал, что животные произошли от растений, а те в свою очередь от неодушевленных тел. В подобных суждениях история природы выступает не как простая последовательность событий, но как *исторический подход* в научном исследовании, или *историзм* в широком смысле слова, хотя еще и в начальной своей форме.

В III в. до н. э., в эпоху эллинизма, появляется еще одно географическое направление античной науки, которое уже в новое время стало называться *математической географией*. Его виднейшим представителем был александрийский ученый-энциклопедист Эратосфен (276—194 до н. э.). К этому времени шарообразность Земли была

уже окончательно доказана, и предпринимались попытки измерения ее радиуса и дуги меридиана (самая удачная принадлежит Эратосфену), возникли проблемы изображения земного шара на плоскости и определения координат пунктов, появились первые картографические проекции и градусная сетка на карте (примитивные карты существовали в Древней Греции еще в V в. до н. э., а возможно, и ранее). Но Эратосфен известен еще и тем, что впервые попытался объединить в одном сочинении все три рассмотренные научные направления под названием «География». Этот его труд, до нас не дошедший, широко использовался Страбоном. Однако последний как ортодокс описательно-страноведческого направления критиковал Эратосфена за то, что тот включил в географию объяснение природных явлений¹ и вместе с тем внес в нее математику.

И как бы в ответ на эти критические соображения Страбона в середине II в. н. э. появилось «Руководство по географии» Клавдия Птолемея, в котором получила свое завершение античная математическая география. Нигде не называя имени Страбона, Птолемей в сущности полемизирует с ним, считая, что география должна изучать положение мест на земной поверхности и отображать эту поверхность на карте со всем тем, что на ней находится, опираясь на математику. Описательную географию он полагал более правильным именовать хорографией.

Таким образом, история античной географии завершилась серьезным разладом в представлениях о ее сущности. Последнее слово оказалось за Птолемеем, но все географические направления, возникшие в глубокой древности, не исчезли и возродились в эпоху Ренессанса и Великих географических открытий, причем приоритетное положение заняло направление, представленное Птолемеем, а сам он заслужил славу крупнейшего авторитета в области географии.

Когда в конце XV в. в странах Южной Европы созрела идея достижения кратчайшим морским путем Индии и Китая, теоретическая основа была найдена в «Географии» Птолемея, а в сущности, в его ошибках: он преуменьшал размеры земного шара, но в то же время преувеличивал протяженность Евразии с запада на восток, что создавало иллюзию близости восточных берегов Азии и западных берегов Европы. Географическое направление, известное под не очень точным названием «математическая география», было наиболее востребованным не только в эпоху Великих географических открытий, но и много позднее, что было связано с возрастающими потребностями в географических картах. Еще в XVIII в. создание карт считалось главной задачей географии. Это обстоятельство дало толчок развитию особой науки — картографии, тесно связанной с географией, и понятие «математическая география» потеряло свое значение.

В эпоху Великих географических открытий приобрели популярность страноведческие описания, выходившие обычно под названием «космография». В их содержании ясно ощущается античная традиция; образцом служила «География» Страбона, которому нередко доверяли больше, чем путешественникам-современникам. В этих сочинениях мы обнаруживаем все типичные черты античных страноведческих описаний: недостаточное внимание к природе описываемых стран, преобладание номенклатурных сведений, описание разного рода небылиц, чудес и тому подобное, а также обилие исторических экскурсов. Интерес ко всему античному распространялся и на историю Древнего мира. Некоторые географические описания служили как бы введением в историю Древней Греции и Римского государства. Возник даже особый жанр историко-географических сочинений (к чему мы еще вернемся позднее). В целом в описательно-страноведческой географии начала нового времени не наблюдается какого-либо прогресса в сравнении с античностью.

Физическая география в XVI—XVII вв. находилась еще на стадии «первоначального накопления» фактического материала. Хотя Великие географические открытия существенно обогатили знания о природных географических явлениях, особенно в части Мирового океана, слабое развитие экспериментального естествознания, особенно физики, сдерживало теоретическое обобщение в области физической географии, хотя

¹ Поиски причин и изучение природных явлений Страбон предоставлял философам.

известны попытки таких обобщений. Представление об исторической изменчивости лика Земли, по-видимому, не было редкостью, но не могло существенно повлиять на содержание немногочисленных сочинений общеземледельческого характера, из которых наиболее выдающимся была «*Geographia generalis*» Бернхарда Варения (1650 г.). Автор определял географию как естественную науку и обобщил известные к тому времени знания о природе «земноводного шара», включив сюда и элементы математической географии. Во многом он еще опирался на взгляды античных географов, но относился к ним критически.

С середины XVII в. знания о географических явлениях стали заметно прогрессировать; формируются научные представления об атмосферных явлениях, круговороте воды в природе, происхождении рельефа Земли, морских течениях, приливах и отливах и т. д. Круг наблюдений продолжает расширяться одновременно с повышением уровня научных обобщений в течение XVIII в., особенно в его второй половине, когда стали впервые снаряжаться экспедиции со специальными научными целями. Значительно продвинулось изучение органического мира, была разработана первичная систематика растений и животных. Некоторые натуралисты обращали внимание на взаимосвязи природных явлений, на зависимость органического мира от неживой природы и закономерности в распространении растений и животных. Еще во второй половине XVII в. появляются первые гипотезы о происхождении Земли (Р. Декарт, Г. В. Лейбниц). Впоследствии Ж. Л. Л. Бюффон разделил историю развития Земли на 6 этапов. Закладываются основы стратиграфии, палеонтологии; от географии начинает отделяться геология. Исторический подход к изучению отдельных географических явлений — рельефообразования, климата, происхождения рек и морских льдов и других — уже применялся некоторыми учеными, в том числе М. В. Ломоносовым.

Однако отмеченные прогрессивные тенденции в развитии географии мало отразились на ее общем теоретическом уровне и на характере общеземледельческих обобщений, которые, по отзыву А. Гумбольдта, превосходили труд Б. Варения по объему материала, но уступали ему в идейном отношении. Основной вклад в развитие естественнонаучного направления в географии внесли наблюдения и записки натуралистов-путешественников. Особую ценность представляют основанные на личных полевых исследованиях региональные географические монографии нового типа, не имеющие ничего общего с традиционными страноведческими компиляциями. Таково, например, «Описание Земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

В общественном сознании XVIII в. «имидж» географии как «науки для извозчиков» был оправдан господством компилятивных «землеописаний» в стиле прежних «космографий» и основанных на них учебников, содержавших смесь самых разнообразных сведений об отдельных государствах при минимальной и примитивной характеристике природных условий. Среди ученых бытовал и взгляд на географию как на «служанку истории» (например, Г. Ф. Миллер).

Заметное влияние на географов оказали взгляды И. Канта, однако взгляды эти были весьма противоречивы. С одной стороны, идеи И. Канта способствовали внедрению историзма в естествознание. Он мечтал о создании подлинной естественной истории, или истории природы, как особой науки. При этом он придавал большое значение и географии, в особенности физической (в течение многих лет читал курс физической географии в Кенигсбергском университете). С другой же стороны своим делением наук на систематические, хронологические и хорологические он проводил пропасть между историей и географией, предоставляя первой изучение событий во времени, а второй — явлений в пространстве, происходящих в одно и то же время. Следовательно, И. Кант положил начало хорологической концепции географии. У этой науки, по его мнению, нет собственного предмета исследования. Она может изучать любые предметы и явления и в зависимости от этого делится на множество «географий» — от физической и математической до теологической и меркантильной. В этом бесконечном ряду И. Кант отводил главное место физической географии как основе всех других «географий», но в то же время, подобно Страбону, ограничивал ее сферу той частью окружающего мира, в какой мы с ним соприкасаемся. Таким образом, здесь мы

видим подход к географии, впоследствии ставший известным как антропоцентрический (см. далее).

Для последующей эволюции географических идей особое значение имели труды классиков немецкой географии Александра Гумбольдта и Карла Риттера, относящиеся к первой половине XIX в. А. Гумбольдт, выдающийся естествоиспытатель-материалист, географ-теоретик и путешественник, создал «Физическое землеописание» — прообраз современного общего землеведения, в котором ставил своей задачей «обнять явления внешнего мира в их общей связи, природу как целое» ([7], с. III). По его определению, конечной целью физической географии является «познание единства во множестве, исследование общих законов и внутренней связи теллурических явлений» (там же, с. 54). А. Гумбольдт установил широтно-зональные и высотно-поясные закономерности в природных явлениях Земли. Важно подчеркнуть, что он не исключал из физико-географического изучения человека, но лишь в той степени, в какой он зависит от земных сил и сам может влиять на них (там же, с. 319). Уделяя основное внимание глобальным, т. е. общеземлеведческим, аспектам физической географии, А. Гумбольдт дал образцы регионального комплексного физико-географического исследования (по материалам путешествия в Южную Америку), но неизменно подчеркивал, что природа отдельных участков земной поверхности должна рассматриваться как часть целого, т. е. природы Земли (теперь мы могли бы уточнить: не просто земного шара, но его ландшафтной оболочки). Наконец, нельзя не подчеркнуть и с т о р и з м концепции А. Гумбольдта. В его «Космосе» мы находим, что «нельзя совершенно отделить описание природы от истории природы... Бытие в его объеме и внутреннем существе может быть вполне узанным только как нечто *сделавшееся*» ([7], с. 62).

К. Риттер во многом, особенно в своем мировоззрении, был противоположностью А. Гумбольдту. Он был кабинетным ученым, и в его географических представлениях сказались влияние фидеизма и телеологии. Его взгляды автору этой статьи уже доводилось анализировать [13, 18], и здесь ограничусь краткими замечаниями. В отличие от А. Гумбольдта, К. Риттер подходит к Земле не как к природному телу, а как к «жилищу рода человеческого», предназначенному свыше быть его воспитательным домом; «она может быть только делом божественного провидения» ([22], с. 10). К. Риттер пытался найти в геометрических формах каждого материка особое предназначение в судьбах человечества, при этом он пришел к заключению, что именно Европе было заранее задано наивысшее предназначение в истории человечества. Таким образом, К. Риттер соединил примитивный вульгарно-географический детерминизм с божественным провидением. Он писал, что созерцание Бога — высшая, единственно абсолютная наука. От И. Канта К. Риттер воспринял взгляд на географию как на хорологическую науку и в то же время считал ее необходимой предпосылкой для изучения истории. Из последнего тезиса он исходил, создавая свое многотомное «Erdkunde» — страноведческое описание. Автор пытался построить его по природным (орографическим) подразделениям суши и уделить больше места природным условиям, но практически ограничился внешними признаками, преимущественно орографическими и гидрографическими. Г. Герланд усматривал в этом монументальном произведении «страбонизм». В отличие от гумбольдтовского естественно-исторического взгляда на географию концепцию К. Риттера приходится расценивать как хорологическую и антропоцентрическую.

Принципиальные расхождения во взглядах двух классиков географии первой половины XIX в. явились причиной глубокого раскола среди географов и дальнейшего усиления поляризации между двумя линиями развития географических идей. Конфликт между сторонниками обоих ученых особенно обострился в последней трети XIX в. Это был период перехода к современной географии, когда активность географов резко возросла, стали создаваться географические кафедры в университетах, происходило формирование национальных географических школ и в то же время бурно развивались частные (отраслевые) географические дисциплины, что приводило, по выражению В. В. Докучаева, к расползанию географии в разные стороны. Все это не могло не усилить интерес географов к теоретическим проблемам и к поиску ответов на

вопросы: что же представляет собой собственно география, каковы ее содержание и научные задачи. К тому времени именно взгляды А. Гумбольдта и К. Риттера могли служить основой для всеобщей дискуссии. Надо признать, что позиция приверженцев А. Гумбольдта была более последовательной и аргументированной. Сторонникам К. Риттера было трудно возражать против обвинений его в теологии и телеологии, в «страбонизме», тенденции сделать из географии служанку истории и т. д. Но примеры прямой критики взглядов А. Гумбольдта со стороны сторонников К. Риттера мне не известны. Многие из них, напротив, старались доказать, что у последнего было больше общего с А. Гумбольдтом и расхождения между ними якобы сильно преувеличены. К началу XX в. география находилась в состоянии глубокого кризиса. Многие авторитетные ученые приходили к заключению, что она не составляет единой науки и распалась на ряд самостоятельных дисциплин. Среди русских географов доминировало мнение, что география — наука естественная; сторонники этого мнения были в Германии и США, но в целом для немецких географов был характерен теоретический разброд, а для американских — неустойчивость взглядов с тенденцией к усилению антропоцентризма и хорологизма.

Исторический подход и хорологический антропоцентризм в географии XX в.

Начало современной географии примерно совпадает с рубежом между XIX и XX вв. К этому времени относится появление теоретических концепций, во многом определивших дальнейшую эволюцию географической мысли. Преемственная связь этих концепций с учениями предшественников прослеживается достаточно четко. Вместе с ними была унаследована, но поднята на новую теоретическую ступень традиционная поляризация двух главных линий развития географии.

К основополагающим географическим концепциям XX в. в первую очередь следует отнести идеи В. В. Докучаева. Несмотря на более чем столетнюю давность, они не устарели до сих пор и настолько хорошо известны, что не нуждаются в подробном изложении, но в контексте обсуждаемой здесь проблемы нельзя не напомнить наиболее принципиальные положения его учения. В. В. Докучаев следует считать самым последовательным преемником А. Гумбольдта, хотя он пришел к своим теоретическим выводам независимо. Нетрудно усмотреть общность в мировоззренческих естественнонаучных взглядах А. Гумбольдта и В. В. Докучаева: идеи целостности земной природы, взаимодействия всех ее компонентов, историзма, связи человека с законами природы и др. Но В. В. Докучаев во многом пошел дальше своего великого предшественника. Он существенно расширил сферу изучаемых географических взаимосвязей, введя в научный оборот почву, развил первичные гумбольдтовские наметки о широтной зональности до уровня *мирового закона* — географического по существу своему, пришел к идее природного территориального комплекса (хотя не успел сформулировать ее до конца), создал комплексный естественно-исторический (а по существу ландшафтный) метод полевых исследований. Этот перечень можно было бы продолжить. Добавлю лишь одно немаловажное обстоятельство: В. В. Докучаев апробировал свои теоретические идеи и исследовательскую методику на основе их приложения к решению сложнейших практических проблем природопользования и сельского хозяйства. Наконец, величайшая историческая заслуга этого великого ученого и гражданина — создание сильной научной географической школы, которая существует уже более столетия и через которую прошло не одно поколение российских и советских географов, — пример беспрецедентный в истории мировой географии.

Последователи В. В. Докучаева, развивая его идеи, ввели в науку понятие о географической оболочке и разработали учение о ландшафте. Синтез представлений о ландшафте и географической оболочке привел к понятию о геосистемах как *пространственно-временных* территориальных системах всех уровней — от планетарного до локального, служащих объектами исследования комплексной физической географии. Учение о геосистемах явилось теоретическим стержнем для всей системы физико-географических дисциплин. Оно содержит в себе и большой интеграционный потенциал для преодоления разрыва между естественными и гуманитарными отраслями географии. Существенная методологическая особенность учения о геосистемах — *исто-*

ризм, т. е. историко-генетический подход к изучаемым объектам, о чем в дальнейшем речь пойдет особо.

В 1898 г. одновременно с первым программно-теоретическим выступлением В. В. Докучаева [10] в Германии была опубликована большая статья Альфреда Геттнера [4], которую также можно рассматривать как своего рода программную, но в совершенно ином, а именно хорологическом, смысле. А. Геттнер был одним из активных критиков взглядов К. Риттера. Он решительно выступал против его религиозного мировоззрения, телеологизма и антропоцентризма; писал, что «причинный метод мышления естественных наук, определяющий географическую концепцию Гумбольдта и других, чужд Риттеру» ([5], с. 83), что в его страноведении мало природы и недостаточно отражены причинные связи и т. д. Эту оценку А. Геттнер повторил спустя почти 30 лет в своем главном методологическом труде [5]. А. Геттнер резко критически относился и к немногочисленным последователям К. Риттера, в трудах которых, по словам критика, недостатки учителя еще усилились и географии было придано одностороннее (антропоцентрическое) направление, она потеряла самостоятельность и опустилась до уровня вспомогательной науки при истории. Принципиально иное отношение мы находим у А. Геттнера к А. Гумбольдту. Он писал, что «прогрессом научных исследований в географии и открытием новых путей в этой науке мы обязаны не Риттеру, а великим естествоиспытателям XIX в. и прежде всего Гумбольдту» ([4], № 2, с. 45). Можно было бы привести ряд других высказываний того же автора, дающих самую высокую оценку заслуг Гумбольдта перед географией.

И тем парадоксальнее выглядит стремление А. Геттнера поставить рядом имена Гумбольдта и Риттера как основателей современной географии. Признавая, что именно Гумбольдт «дал те научные импульсы, из которых география возвела свое здание» ([5], с. 81), Геттнер по существу не считал Гумбольдта географом. Он утверждал, будто Гумбольдт не написал ни одной географической книги, говорил, что его труды лишь «имеют отношение» к географии. Причину такого парадокса следует видеть в хорологическом взгляде Геттнера на географию. Именно он стал главным идеологом хорологического принципа в географии, истоки которого восходят к И. Канту. Согласно хорологической концепции А. Геттнера истинная география — это страноведение, а поскольку К. Риттер был страноведом, А. Геттнер считал нужным воздать ему должное, невзирая на поистине уничтожающую критику как его теоретических воззрений, так и страноведческих описаний.

Что касается собственных, хорологических, идей А. Геттнера, то в них мы находим также немало противоречий. Согласно А. Геттнеру, география «распространяется на все царства природы и на все циклы явлений... но принимает их не как таковые и не в их развитии, а как наполнение пространства» ([5], с. 196—197). Иногда географ вынужден прибегать к прошлому для объяснения настоящего, но это следует рассматривать как неизбежное зло (там же, с. 214). Таким образом, здесь мы имеем дело с явным антиисторизмом. Далее оказывается, что география не должна интересоваться родовыми понятиями и заниматься обобщениями, она не должна претендовать на установление законов, ее задача — изучение индивидуальных стран и местностей, т. е. география — наука идиографическая, в отличие от других (номотетических) наук, ставящих своей целью поиски законов. Истинной географией, по А. Геттнеру, всегда было и есть страноведение. Как мы видим, автор хорологической концепции вернулся к тому же К. Риттеру, которого так ожесточенно критиковал. Однако обратившись к конкретным деталям содержания и методики страноведения, он неминуемо должен был ощутить себя в положении заложника собственной концепции — это проявилось уже в упомянутом признании «неизбежного зла» — обращения к истории. Столкнувшись с необходимостью отбора фактов для «заполнения земных пространств» из бесконечно возможного их числа, А. Геттнер справедливо выдвинул в качестве критерия принцип причинной связи между предметами и явлениями, «заполняющими данное пространство». Но без учета историко-генетических факторов причинность установить невозможно. А. Геттнер вконец запутался в этой проблеме и предоставил каждому исследователю поступать по своему усмотрению, т. е. скатился к принципу субъективизма. То

же произошло с проблемой районирования, т. е. обоснования сетки территориальных подразделений для страноведческого описания: А. Геттнер вынужден был допустить здесь эклектизм и субъективный подход, ибо никаких закономерностей в территориальной структуре земной поверхности он принципиально не стремился искать. Подобных противоречий в концепции А. Геттнера множество. В одном месте он даже говорит, что «только путем обобщений география и приобрела более строгий научный характер» ([5], с. 201), как будто забыв о том, что предписал ей не делать никаких обобщений.

В начале XX в. идеи А. Геттнера получили широкую известность, на первый взгляд они давали основу для интеграции различных направлений географии. Однако вскоре обнаружилась их бесплодность. Физикогеографы, в особенности ученые докучаевской школы, практически игнорировали их. Доказывать этим ученым важность хронологического подхода означало бы ломиться в открытую дверь, более того: Докучаев и его последователи, как это ни покажется странным, пошли в его применении значительно дальше А. Геттнера, они изучали хронологические *закономерности*, что никак не согласовывалось с принципами по существу примитивного геттнерианства. Докучаевский закон зональности — один из важнейших законов пространственной дифференциации земной поверхности, и уже самый факт пренебрежения к зональности со стороны Геттнера свидетельствует о ненаучности его хронологической концепции. Но Докучаев и его последователи не абсолютизировали хронологический принцип, им не могло прийти в голову оценивать его как единственно приемлемый для изучения территориальных систем. Этот принцип органически сочетался с принципами взаимодействия и историзма. Л. С. Берг поначалу приветствовал появление хронологических идей А. Геттнера, но скоро в них разочаровался и неустанно доказывал, что учение о ландшафте не имеет ничего общего с геттнеровским страноведением.

Учение А. Геттнера не давало каких-либо конструктивных идей и для традиционного страноведения, которое продолжало существовать в разных странах и в наибольшей степени определяло характер французской географической школы. Вряд ли можно назвать какой-либо конкретный научный труд, в котором концепция А. Геттнера нашла бы свое наиболее полное воплощение. Однако главными ее воспреемниками оказались американские географы середины XX в., соединившие геттнерианство с антропоцентризмом.

Еще в конце XIX в. в немецкой географии усилились антропоцентристские тенденции. Они связаны главным образом с именем Фридриха Ратцеля, опубликовавшего в 1882—1891 гг. двухтомный труд под названием «Антропогеография, или основы приложения географии к истории». Это в значительной мере означало возвращение к К. Риттеру и географическому детерминизму с добавлением некоторых новаций, в особенности социального дарвинизма. Ученица Ф. Ратцеля Эллен Сэмпл перенесла его идеи (с некоторыми изменениями) на американскую почву, где они стали известны под названием инвайронментализм и были весьма популярны у географов в 20-е гг. XX в., после чего наступило резкое разочарование и географический детерминизм сменился крайним антинаучным индетерминизмом [14].

Идеологом ортодоксальной американской географии середины XX в. выступил Ричард Хартшорн. В высказываниях этого автора мало оригинального, в основном он заимствовал их у А. Геттнера, но за одним весьма существенным исключением. Как известно, А. Геттнер был противником антропоцентризма. Он подчеркивал, что в основе страноведения должны лежать факты, относящиеся к природе конкретной территории (в чем несомненно сказалось влияние А. Гумбольдта). Р. Хартшорн придерживался противоположного мнения. Утверждая вслед за А. Геттнером, что в сферу географии входят как природные, так и социальные явления («от королей до капусты и от осадков до религии»), он считал, что «культурным» элементам должен принадлежать приоритет перед природными. Р. Хартшорн вернулся к риттеровской формуле: географ должен изучать Землю как жилище человека (с чем категорически не соглашался А. Геттнер). В остальном мы встречаем у него уже знакомые геттнерианские тезисы: география изучает различия между отдельными частями мира, рассматривая их

«в любой отдельный момент времени, обычно в настоящее время» ([²⁵], с. 460); ценность географии состоит в изучении индивидуальных фактов, она не должна занимать теоретическими обобщениями, устанавливать законы и разрабатывать прогнозы, все территории уникальны; география есть просто описание районов, но район — лишь интеллектуальная конструкция; между большинством явлений (даже в пределах неживой природы) невозможно найти причинные связи. К отбору фактов Р. Хартшорн, как и А. Геттнер, подходит субъективно, однако с оговоркой: следует исходить прежде всего из оценки их значения для человека [²⁵, ²⁶].¹

Таким образом, приложение хронологической концепции А. Геттнера к сфере социальных явлений породило *хронологический антропоцентризм* в географии. Если ученый отвергает необходимость научных обобщений и поиска законов и вся цель науки сводится к простому описанию индивидуальных фактов, то вправе ли мы говорить в этом случае о науке вообще? Неудивительно, что рано или поздно подобные идеи должны были вызвать протест среди некоторых представителей нового поколения американских географов, и к концу 60-х гг. прошлого столетия хартшорновский хронологический антропоцентризм утратил свою монополию [¹⁵]. Однако он оставил глубокий след. Американская география практически лишилась физико-географических отраслей и приобрела односторонне социально-культурное направление, лишенное каких-либо общих методологических и теоретических основ. География в США и других англоязычных странах оказалась в состоянии глубокого кризиса, что были вынуждены признать некоторые видные теоретики [⁶, ⁸, ⁹]. В этом следует видеть проявление неизбежного банкротства хронологической концепции.

Во второй половине XX в. предпринимались попытки реанимировать и модернизировать хронологическую концепцию, в том числе с претензиями на создание «теоретической географии», как наивысшего уровня общегеографических обобщений. Но дело сводилось к построению абстрактных моделей, имеющих лишь узкопрофессиональное значение для ограниченного круга специалистов ([¹⁷], с. 81—85).

С позиций докучаевского естественно-исторического взгляда на географию, который сейчас можно кратко именовать геосистемным, хронологический принцип во всех его вариантах, включая антропоцентрический, неприемлем в качестве методологической основы географии. Но от хронологического принципа в геттнеровском понимании следует отличать хронологический, или пространственный, подход, который вместе с историческим подходом составляет необходимое звено общенаучной диалектической методологии и в таком качестве имманентно присущ географии, имеющей дело с территориальными (а следовательно, пространственными) системами. Не случайно В. В. Докучаев и его последователи внесли наибольший вклад в познание закономерностей пространственной дифференциации земной поверхности, о чем уже выше упоминалось. Необходимо, однако, подчеркнуть, что это ни в какой мере не означает абсолютизации хронологического подхода и предполагает его применение в тесной связи с подходами системным и историческим, т. е. в рамках единого диалектико-материалистического подхода, требующего изучения всех явлений в их взаимной связи и изменчивости во времени и в пространстве.

Историзм, имеющий, как мы видели, давние корни в географии, далеко не сводится к ее вспомогательной функции для гражданской истории, он приобрел существенно более широкую значимость универсального методологического подхода. Географы-естествоиспытатели осознали это раньше и глубже, чем гуманитарии, стоявшие на геттнерианской платформе. В различных отраслях физической географии возникли специальные разделы, относящиеся к изучению генезиса и развития объекта исследования (климата, рельефа, почв и т. д.). Появилась в качестве особой синтетической отрасли палеогеография, изучающая сопряженное развитие основных компонентов геосистем на доисторическом этапе эволюции Земли.

Наиболее всестороннее комплексное применение исторический подход получил в ландшафтоведении. Л. С. Берг еще в 1931 г. писал, что понятие данный ландшафт

¹ Подробнее взгляды Р. Хартшорна рассмотрены в [¹³].

можно лишь тогда, когда известно, как он произошел и во что он со временем превратится [2]. Тогда же он сформулировал ряд основополагающих идей, позволяющих говорить не просто об историческом, а точнее об *историко-генетическом*, принципе в ландшафтоведении. В частности, Л. С. Берг разделил все временные изменения ландшафтов на необратимые и обратимые; позднее первое стало принятым рассматривать как эволюционные, т. е. относящиеся к процессу развития ландшафта, а вторые — как динамические, охватывающие формы изменений, не приводящих к коренной трансформации ландшафта. С течением времени устанавливались типы изменений, различающихся по происхождению, направленности и другим признакам, в том числе ритмические, начиная от суточных и сезонных и кончая геологическими. Понятийно-терминологический аппарат ландшафтоведения в этой части все более расширялся, в нем возникли понятия о возрасте, саморазвитии, саморегуляции геосистем, их разновременных состояниях, устойчивости, поведении, собственном и характерном времени и т. д. Особый раздел историко-генетического направления в ландшафтных исследованиях посвящен изучению антропогенных трансформаций геосистем. Наряду с уже давно устоявшимся представлением о пространственной структуре геосистем входят в научный обиход понятия об их временной структуре, а о самих геосистемах — как о пространственно-временных категориях. В этой сфере учения о геосистемах мы еще находимся на первой стадии разработки, но имеющийся задел уже позволяет перейти к прогнозированию, т. е. изучая ландшафт, ставить, согласно Л. С. Бергу, вопрос о том, во что он со временем превратится.

Историческая география: особая отрасль географии или вспомогательная историческая дисциплина? Геосистемная концепция и хронологический антропоцентризм — два методологических полюса в современной географии. Р. Хартшорн и его последователи, разумеется, не употребляли термина «хронологический антропоцентризм» и говорили о *региональной географии*. Этим термином подчеркивалось отрицание какого-либо отношения географии к вопросам планетарного масштаба и ее замыкание на уровне региональных и локальных описаний, т. е. на страноведении. Но тем самым отражалась лишь одна особенность концепции. Существо же антагонизма между геосистемной и «региональной» концепциями состоит в противоположном отношении к системному и историческому подходам. В соответствии с темой данной статьи здесь мы касаемся второго из них.

Разброс методологических взглядов и подходов в сфере исследований, традиционно относимых к географии, далеко не укладывается в рамки двух «полярных» концепций: между ними простирается обширное поле разного рода «смешанных» эклектических или чисто эмпирических и интуитивных представлений о сущности географии, а многие исследователи (если не большинство), по-видимому, вообще не задумываются над этим вопросом. Важно, однако, обратить внимание на то, что среди этой пестроты встречаются высказывания и конкретные работы, в которых мы встречаем элементы исторического подхода, заслуживающие внимания методологов и теоретиков географии. Известны попытки объединить разрозненные направления исследований этого рода (преимущественно в гуманитарной сфере) в особую дисциплину на стыке истории и географии под названием *исторической географии*. Известно множество определений этого понятия, свидетельствующих о необычайном разнообразии, причем можно проследить противоположности, аналогичные «поляризации» в общегеографических представлениях.

В середине XX в. В. К. Яцунский, автор фундаментального труда по исторической географии [23], констатировал большой разброс взглядов на сущность этой науки. Сам он полагал, что у исторической географии тот же предмет, что и у современной: она должна дать характеристику физической, экономической и политической географии данной страны или территории на определенный отрезок времени согласно периодизации, принятой в исторической науке ([23], с. 9—10). Но далее следует существенная оговорка. Поскольку, как считает автор, физико-географические условия за исторический период изменились незначительно, задачи исторической географии в этой области весьма ограничены и «фактически содержание исторической географии уже, чем

современной географии, оно сводится главным образом к изменениям в историческом прошлом географии населения, географии хозяйства и географии политической» (там же, с. 10). Здесь перед нами достаточно типичный пример узости географических взглядов географов-гуманитариев, глубоко въевшегося хорологизма и примитивности физико-географических представлений, не говоря уже об игнорировании тех, порой катастрофических изменений в природной среде, которые на протяжении всей истории человечества были обязаны его безответственному воздействию. Казалось бы, В. К. Яцунскому как весьма эрудированному историкогеографу не могла быть не известна работа Дж. П. Марша ^[21], относящаяся еще к середине XIX в. Впрочем, как марксист (свое определение исторической географии он называет марксистским) он не мог пройти мимо хорошо известных высказываний Ф. Энгельса на этот счет.

В. К. Яцунский был далеко не одинок в узком «противоестественном» толковании сущности исторической географии, и его соображения оказали определенное влияние на специалистов. Так, в 1973 г. было издано учебное пособие по исторической географии СССР для студентов *исторических* факультетов ^[11]. В первых же строках этого пособия излагается определение исторической географии В. К. Яцунского. Хотя во введении авторы декларируют роль географической среды в развитии общества и необходимость изучения взаимодействия человека и природы, в содержании пособия это никак не отражено: по каждому историческому этапу даются обзоры изменения границ государства, населения, хозяйства, городов, путей сообщения. Практически здесь историческая география сводится к политико- и экономико-географическому введению для изучения истории, т. е. выполняет уже задолго до того сложившуюся функцию «служанки истории».

В одной из более поздних формулировок В. К. Яцунского с полной определенностью сказано, что «разработка проблем географии исторической подчинена общим задачам исторической науки» (^[24], с. 275). Можно считать, что такое назначение исторической географии явилось для нее изначальным. Об этом свидетельствует тот же В. К. Яцунский, упомянутый выше основной труд которого посвящен истории возникновения исторической географии и ее развития в XIV—XVIII вв. Согласно этому автору, зарождение исторической географии как *исторической дисциплины* (^[23], с. 20) относится к началу эпохи Возрождения, когда итальянские гуманисты, увлекавшиеся всем античным, стали восстанавливать местонахождения примечательных событий и объектов, связанных с античной историей: политических границ, мест сражений, городов и т. д. Апогей этого направления в историографии относится к середине XVII в. и связан с успехами картографии. В это время А. Ортелиус издал первый исторический атлас, точнее собрание карт (1570), и у историков пробудился вкус к карте, не исчезающий и во все последующие века. Ортелиус даже называли основателем исторической географии, хотя следовало бы называть вещи своими именами и говорить об *исторической картографии*.

В XIX в. интерес историков к исторической географии ослабевает, но не исчезает. Здесь нет возможности, да и надобности рассматривать последующую историю этого научного направления, но можно отметить, что оно постепенно начинало привлекать внимание географов. Однако вместе с тем возрастал разноречивый взгляд на сущность и научное значение исторической географии. Нельзя не упомянуть о работе И. А. Витвера под названием «Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира», появившейся в 1945 г. Книга получила широкую известность и была переиздана в 1963 г. ^[3]. Она была ясно ориентирована на экономикогеографов и явилась необходимым пособием для их университетской подготовки, но и всякий профессиональный географ до сих пор может найти в ней для себя немало полезного.

Методологическое значение труда И. А. Витвера следует видеть в том, что он свидетельствует о необходимости *исторического подхода* в экономической и политической географии, хотя и в форме «введения». И все же, сравнивая этот труд с упомянутым ранее историко-географическим «введением» для подготовки историков ^[11], трудно отделаться от мысли, что в их содержании нет принципиальных различий, несмотря на разную ориентацию. Обе книги основаны на историческом материале. Ис-

торическая наука немыслима без изучения перестройки политических границ, расселения народов, колонизаций, изменений экономического базиса и социального устройства общества и т. д. Если все это передать исторической географии, то что останется от самой исторической науки?

Приведу еще один пример незаурядного научного исследования под девизом «историческая география». Имеется в виду недавно переизданный фундаментальный труд столетней давности, принадлежащий историку М. К. Любавскому и посвященный истории колонизации России [20]. Автор книги рассматривает процессы колонизации как основу исторической географии России. То, что процессы колонизации явились важным звеном российской истории, — бесспорно. Однако отношение их к исторической географии требует разъяснения, ибо не ясна сущность последней. В чем суть «географизма» всякого исторического процесса? То же можно сказать о книге И. А. Витвера [3]. Беру на себя смелость предположить, что если бы на обложке книги М. К. Любавского вместо названия «Историческая география России в связи...» стояло «История колонизации России», а в книге И. А. Витвера вместо «Историко-географическое введение...» — «Историческое введение...», то вряд ли кто-либо из специалистов историков или географов ощутил бы здесь «подмену» или несоответствие названий содержанию. Сложнее с учебным пособием по исторической географии СССР [11]. Оно имеет определенно пропедевтический характер и представляет подборку информации по политической истории и изменениям в экономике страны из исторической литературы, и оценку соответствия книги ее целевому назначению могут дать лишь университетские педагоги-историки.

Основной вопрос, таким образом, сводится к объяснению различия между историей и исторической географией, иначе говоря, — в чем состоит «географизм» последней? Из содержания историко-географических работ можно заключить, что авторы, если и не говорят прямо, то подразумевают пространственный, или территориальный, т. е. хронологический аспект изучаемых исторических процессов. Но никакое историческое событие не может быть экстерриториальным. Всемирная история протекала не в некотором царстве, в тридесятом государстве, она всегда была территориально дифференцирована. Историю, как и географию, можно изучать и описывать по любым территориальным «блокам» — континентам и субконтинентам, государствам и их административно-территориальным подразделениям, природным или историческим регионам. В исторической науке каждое событие всегда имело не только свое место в хронологической таблице, но и свой «адрес». Известно, например, из истории (а не из географии), что Мамай был разбит Дмитрием Донским на Куликовом поле; более того, историки восстановили картину сражения и отобразили ее на карте. Выше уже упоминалось, что историки издавна придавали большое значение точной привязке событий к месту на земной поверхности. И в этом им помогли картографы. Карта стала необходимым атрибутом и рабочим инструментом исторической науки, так же как и указатель географических названий. Но эти же атрибуты присущи и географии, и геологии. Картография дает универсальный метод, она обеспечивает любую науку единой и точной картографической основой. Но «начинка» этой основы создается разными науками.

Между прочим, у М. К. Любавского нет ни одной карты, а в тексте можно было бы дать значительно больше территориальных «привязок», так что в этом отношении его книга уступает даже многим типично историческим публикациям. И тем неожиданнее оказалось встретить в его книге мысли, имеющие прямое отношение к ответу на поставленный выше вопрос. Правда, эти мысли принадлежат не ему, но он их полностью разделяет. М. К. Любавский цитирует соображения этнографа и литературоведа Л. Н. Майкова, относящиеся к 1874 г.: «Историческая география... должна выйти за пределы простого описания и, пользуясь разнообразным материалом общего землеведения, должна показать влияние внешней природы на развитие человечества или отдельных особей его — народов. Она должна обнаруживать, насколько жизнь людей в известной стране подвергалась действию общих географических условий последней... Вместе с этим, историческая география должна изобразить и воздействия человека на природу, его борьбу с ней, формы этой борьбы, т. е. разные виды культуры, ко-

торой человек подвергает окружающие его органические и неорганические тела, и, наконец, результаты этой борьбы для населения»¹ ([²⁰], с. 22). Разумеется, нельзя винить М. К. Любавского в том, что он не смог вполне следовать этим, *идеальным*, по его выражению, задачам исторической географии, но его приверженность к этим задачам примечательна, и есть основания полагать, что Л. Н. Майков и М. К. Любавский уже более столетия тому назад были не единственными приверженцами изложенных идей.

Отечественные географы в последующие десятилетия не проявляли большого интереса к исторической географии. В 1972 г. в Москве состоялась первая Всесоюзная сессия по исторической географии [¹]. Инициаторами ее были, по-видимому, академические историки, но участие в организации принимал Московский филиал Географического общества СССР. На сессии констатировалось, что за предшествующие 20—30 лет наряду с традиционными исследованиями специалистов-историков в исторической географии получило развитие физико-географическое направление, изучающее природные территориальные комплексы прошлого, измененные и преобразованные человеком. Встал вопрос: может ли существовать единая историческая география на двух противоположных основах — естественной и общественной. Однако между историками и географами выявилось расхождение взглядов по методологии исторической географии, и в решении сессии лишь обращено внимание на необходимость комплексного историко-географического изучения взаимодействия природы и общества. Что касается конкретного содержания докладов многочисленных участников сессии, то, в частности, значительное внимание было уделено исторической картографии, но доминировала традиционная историко-географическая тематика, в том числе региональные исследования этнографов, лингвистов и других специалистов гуманитарного профиля.

Интерес к исторической географии с наступлением XX в. не был утрачен и за рубежом. В 1930 г. даже состоялся Международный конгресс по исторической географии. Но распространение хорологической концепции не могло создавать стимулов для развития этого направления в рамках географии. Здесь невозможно дать даже беглый обзор основных исследований в этом направлении, но представляют интерес «неортодоксальные» суждения американского географа Эндрю Кларка, относящиеся к 1954 г. (русский перевод [¹⁹]). Этот автор считал, что историческую географию необходимо вывести из подчиненного положения у истории; изучение истории географических явлений не сводится к узко утилитарным целям и имеет самостоятельное географическое значение. Круг географических явлений у Э. Кларка практически ничем не ограничен, он распространяется на любые природные и общественные процессы; к исторической географии он относит развитие рельефа, изменения как в растительном и животном мире, так и в культуре, и т. д. Такая неопределенность несомненно снижает ценность его соображений. Но в конечном счете он приходит к заключению, что самое главное в исторической географии — изучение влияния физико-географических условий прошлого на человека и роли последнего в изменении природной среды. В этом он ссылается на Дж. Марша, которого по существу характеризует как основателя научной исторической географии. Э. Кларк подчеркивает, что без исторического изучения связей расселения, культуры, экономики с природной средой невозможно дать обоснованные рекомендации по планированию размещения населенных пунктов, хозяйства и т. д. Историческая география, по Э. Кларку, дает материал для прогноза будущего и позволяет предусматривать непредвиденные последствия воздействия человека. Касаясь принципов обучения специалистов по исторической географии, автор особо указывает на необходимость их полевой физико-географической подготовки.

Несмотря на определенные недостатки, недоработанность и противоречивость (в особенности отсутствие комплексного геосистемного подхода), мысли Э. Кларка направлены на внедрение историзма в географию и явно расходятся с господствовавшими в то время в американской географии идеями хорологического антропоцентризма.

¹ К сожалению, при подготовке этой статьи я не имел возможности ознакомиться с подлинником Л. Н. Майкова и цитирую его высказывания по изложению М. К. Любавского [²⁰].

В советской науке неразбериха вокруг содержания и статуса исторической географии усугублялась формированием специальных исторических разделов в отдельных физико-географических дисциплинах. Историческая геоморфология, историческая климатология, наконец, историческое ландшафтоведение — это реальность, которая никак не укладывалась в разбухшую традиционную историческую географию гуманитарного направления.

В 1976 г. В. А. Зубаков пытался доказать, что историческая география как наука должна существовать и существует «в единственном числе» [12]. При этом он исходил из единства самой географии. А. Г. Исаченко, полемизируя с В. А. Зубаковым, напротив, доказывал, что в реальности единой географии не существует, поскольку у ее естественных и общественных отраслей нет единых теоретических основ [16]. Фактическое наличие разных «исторических географий» признали М. И. Белов и другие авторы, и В. А. Зубаков выдавал желаемое за действительное. По его мнению, объектами изучения исторической географии служат «природно-технические территориальные комплексы (ПТТК)», «биотехноценозы», «геотехноценозы». Никаких определений этих понятий или конкретных примеров автор не приводит, и здесь отсутствует реальный предмет для обсуждения. Однако в его рассуждениях имеется «рациональное зерно», а именно: когда он говорит, что историческая география — наука об истории природопользования. Если это определение понимать не буквально, а в том смысле, что природопользование — своего рода фокус, в котором сходятся разные формы взаимодействия общества и природы, то здесь можно видеть предпосылки для историко-географического синтеза. Добавим, что В. А. Зубаков предложил периодизацию истории природопользования, которая не вполне бесспорна, но представляет несомненный интерес.

Некоторые перспективы историко-географического синтеза намечались в последние десятилетия XX в. с появлением так называемой исторической географии ландшафтов. Но это научное направление, первоначально возникшее как раздел ландшафтоведения, посвященный эволюции ландшафтов в историческую эпоху, пока еще находится скорее на стадии массового движения, нежели научного направления с четко определившимися задачами и концептуальными основами. Есть основания полагать, что историческая география ландшафтов обладает существенным интеграционным потенциалом и с этой точки зрения заслуживает особого рассмотрения.

Заключение. Связи географии с историей уходят в античную эпоху, когда совмещение в одном лице историка и географа было обычным явлением. Однако уже с тех времен ведет начало раздвоение путей развития географической науки и вместе с тем характера историко-географических связей. Основная, описательно-страноведческая, линия эволюции географии имела преимущественно гуманитарный характер, и это определяло ее близость к науке об истории человеческого общества. Историки находили в географии «привязку» исторических событий к конкретному пространству на Земле и искали в географических явлениях природную обусловленность общественных различий. Описательно-страноведческое направление географии первоначально в значительной мере играло роль вспомогательной дисциплины при истории. Эта традиция сохранилась вплоть до нового времени, когда многие ученые стали пренебрежительно именовать географию (имея в виду ее традиционное направление) служанкой истории. Параллельно с традиционным гуманитарным направлением еще в Классической Греции зародилось естественнонаучное, или физико-географическое, направление географии, имевшее дело с природными явлениями. Его отношение к истории имело иной характер, а именно в качестве методологического принципа историзма, основанного на признании исторической изменчивости всего сущего. Этот принцип в дальнейшем получил развитие при исследованиях конкретных природных объектов в различных отраслях физической географии.

С течением времени, уже в XX в. традиционная описательная география «эмансипировалась» от истории, найдя опору в идеях геттнерианского хорологизма, возводящего китайскую стену между географией и историей. Это не пошло на пользу обеим

наукам. Узкий хорологизм в сочетании с отказом от всяких контактов с физической географией завел наиболее ортодоксальных сторонников хорологического антропоцентризма в тупик. Однако историки, судя по всему, не были столь же радикальны в своем отношении к географии. Именно им принадлежит инициатива разработки исторической географии как своего рода географического введения к исторической науке. Справедливости ради надо признать, что далеко не все представители общественных отраслей географии перешли на позиции крайнего хорологического антропоцентризма в хартшорновском духе. Большинство экономикогеографов должны были ощущать необходимость историзма в своих исследованиях. Это привело к поискам в области исторической географии, но уже как бы с ее оборотной стороны — как исторического введения к общественной географии. Так появилось обширное, но достаточно пестрое и неопределенное поле исторической географии.

Географы-естественники, можно сказать, стояли «в стороне от схватки». Споры вокруг исторической географии их мало касались, поскольку проблема историзма, как и хорологизма, не должна была вызывать дискуссий, во всяком случае у географов докучаевской школы, привыкших подходить к изучению своих объектов с диалектико-материалистических позиций, т. е. в их взаимных связях с другими объектами, изменчивости во времени и дифференциации в пространстве.

Таким образом, можно заключить, что предметное и методологическое пространство мировой географии XX в. имело биполярный характер. Один из его «полюсов» — советская физическая география, другой — американская «региональная» география. Между этими «полюсами» расположено обширное «размытое» поле самых разнообразных почти или вовсе не связанных между собой направлений, как правило, не имеющих четких концептуальных основ, эмпирических и эклектических, пересекающихся с социологией, этнологией, культурологией, психологией и другими общественными науками.

Современное хаотическое состояние мировой географической мысли не внушает больших надежд на развитие интеграционных тенденций. Однако это не должно привести к отказу от дальнейших усилий в соответствующем направлении, в противном случае географии угрожает окончательный распад на самостоятельные научные дисциплины и исчезновение ее как особой системы наук.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

- [1] Белов М. И., Соколов А. В. Первая Всесоюзная научная сессия по исторической географии // Изв. ВГО. 1973. Т. 105. Вып. 4. С. 380—386.
- [2] Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. М.; Л.: Сельхозгиз, 1931. 401 с.
- [3] Витвер И. А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М.: Географгиз, 1963. 366 с.
- [4] Геттнер А. Очерк развития географических учений в XIX столетии // Естествознание и география. 1899. № 2; 3.
- [5] Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. М.; Л.: Госиздат, 1930. 416 с.
- [6] Грегори К. География и географы: физическая география. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
- [7] Гумбольдт А. Космос. Т. 1 [1845]. М., 1866.
- [8] Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: история географических идей. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
- [9] Джонстон Р. Дж. География и географы: очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
- [10] Докучаев В. В. Место и роль современного почвоведения в науке и жизни [1898] // Соч., т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 415—424.
- [11] Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М.: Высшая школа, 1973. 319 с.
- [12] Зубаков В. А. О содержании и задачах исторической географии (история природопользования) // Изв. ВГО. 1976. Т. 108. Вып. 6. С. 516—524.
- [13] Исаченко А. Г. Развитие географических идей. М.: Мысль, 1971. 416 с.
- [14] Исаченко А. Г. Детерминизм и индетерминизм в зарубежной географии // Вестн. ЛГУ. 1971. № 24. С. 85—96; 1972. № 6. С. 82—95.

- [15] Исаченко А. Г. Идеи и направления современной американской географии // Уч. зап. Ленингр. ун-та. 1971. № 358. С. 17—71.
- [16] Исаченко А. Г. География и историческая география // Изв. ВГО. 1976. Т. 108. Вып. 6. С. 525—529.
- [17] Исаченко А. Г. Теория и методология географической науки. М.: Academia, 2004. 396 с.
- [18] Исаченко А. Г. О географических идеях Карла Риттера и его влиянии на развитие географии // Изв. РГО. 2009. Т. 141. Вып. 5. С. 82—87.
- [19] Кларк А. Историческая география // Американская география. Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. С. 81—112.
- [20] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией [1909]. СПб., 2000. 302 с.
- [21] Марш Г. Человек и природа или о влиянии человека на изменения физико-географических условий природы [1984]. СПб., 1866. 562 с.
- [22] Риттер К. Общее землеведение. Лекции, изданные Г. А. Даниелем [1862]. М., 1864.
- [23] Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 331 с.
- [24] Яцунский В. К. География историческая // БСЭ. 1971. Т. 6. С. 275—276.
- [25] Hartshorne R. The nature of geography // Annals of the Association of American geographers. 1939. Vol. 29. № 3—4. 482 p.
- [26] Hartshorne R. Perspective on the nature of geography. Chicago: Rand McNally Co, 1959. 208 p.

Санкт-Петербург
greg.isachenko@gmail.com

Поступило в редакцию
21 декабря 2010 г.

Изв. РГО. 2011. Т. 143. Вып. 3

© Д. В. ЖИТИН

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

XX век, на который в России приходится целый ряд эпохальных событий в различных сферах социально-экономического и политического развития, стал переломным этапом демографического развития страны на протяжении более чем семи столетий. Впервые в истории страны, в мирный период, расширенный тип воспроизводства населения сменился суженным и как следствие с 1992 г. смертность превысила рождаемость, и данное соотношение остается таким по настоящее время. Во второй половине прошлого века завершился многовековой колонизационный тренд и на смену центробежному характеру миграционных процессов, направленных из центральной части Европейской России к южным, северным и восточным окраинам, пришло явление, получившее название «западного дрейфа» населения.

Не вдаваясь в подробное описание механизма слома миграционного тренда и вызвавших его причин, отметим, что процесс «собирания народа» на территории исторической Великороссии, начавшийся еще в конце 60-х гг., получил ускорение в первой половине 90-х гг. прошлого века после распада Советского Союза [9]. Так, если с 1971 по 1980 г. нетто-миграция России с республиками СССР составила 1.004 тыс. чел. (в среднем по 100 тыс. чел. в год), то в следующее десятилетие данный показатель составил уже 1.944 тыс. чел., а за период с 1991 по 2000 г. положительное сальдо миграции в Российской Федерации составило 4.648 тыс. С 1989 г. со всеми республиками бывшего СССР, кроме Белоруссии, Россия имеет положительный миграционный баланс.¹

¹ Украина в 1990—1992 гг. имела положительный баланс в миграционном обмене с Россией.